

**Рыженина И.А.
СОЦИАЛЬНО – ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ТИПОВ ЛИЧНОСТИ**

Древние говорили, что нет ничего в мышлении, чего бы ни было в чувствах. Мышление не может обойтись без опоры на чувственные элементы в виде наглядных моделей, схем, естественного или искусственного языков и т.д. Абстракции входят в наше сознание через метафоры, иносказания, аллегории, символы, в которых образ наглядно указывает на свою идею, как это имеет место, например, в названиях произведений: «По ту сторону добра и зла», «Похвала глупости».

Как научиться жить в мире с окружающим? Как стать нравственным? Этим вопросам посвящается мало времени и внимания. Современный человек единственным серьёзным занятием считает свою работу, а после неё ищет развлечений – и в таком ритме проходит время. Раздумья над важными вопросами человеческого существования находятся за границами этого жизненного ритма. Человек мало интересуется тем, что он собою представляет. Его больше интересует, сколько он имеет, и сколько мог бы иметь ещё материальных благ. Редко ищет правду о своей жизни, о себе, чаще – о вещах. Всегда способен совершенствовать вещи, себя же не совершенствует.

Перед современным обществом стоит проблема дальнейшего существования. Человечество встало перед вопросом: как жить дальше? Экологический кризис, вызванный затратной экономикой и политикой, проблемы нравственности современного общества, расовые и религиозные войны, терроризм – всё это реалии нашего дня.

Внутривидовая агрессия, демонстрируемая человечеством, не имеет аналогов в мире высших животных, но в то же время сопоставима с «нравами» существ далёких от рассудочных форм поведения: насекомых, рыб, вирусов, бактерий.

Так как же определить: люди мы или животные? На первый взгляд, это сделать не трудно. Нужно просто указать критерии, отличающие человека от животного. Философы, психологи называют различные критерии: речь, сознание, нравственность, религиозность и т.п.

Однако, по мнению учёных, в том числе В.П. Кохановского, Л. Г. Кононович, Г. И. Медведевой, ни один из этих признаков критерием служить не может. Наряду с нравственными людьми существуют и безнравственные. То же можно сказать и о религии. Ведь очень много высоко нравственных людей, но не религиозных. Речь тоже вряд ли может служить чётким критерием, при всей её важности. Даже критерий сознания не безупречен. И животные проявляют много ловкости и смекалки, отнюдь не сводимым к безусловным или даже условным рефлексам, но свидетельствующим о развитой психике. Оказывается, то, что представляется довольно ясным, в подобных ситуациях не срабатывает.

Невозможно познать окружающий мир, если не понять такой феномен как «человек».

Человеческая жизнь на много порядков сложнее всех научных представлений, где все «разложено по полочкам», поэтому у человека всегда существовала потребность выхода за пределы строго доказательного знания и «погружения» в царство таинственного, чувствуемого интуитивно, выраженного в символах, тончайших ассоциациях, предчувствиях и т.д.

Отражение и творчество – это две важные функции мышления. В условиях современной информации – технологической революции и духовного кризиса общества, вопрос о сущности творчества, как характерной особенности человеческого способа жизнедеятельности, становится все более важной философской проблемой.

«Человека» рассматривают с рациональной точки зрения философия, психология, этика, генетика, биология и т.п. Этой проблемой, не менее глубоко и обстоятельно, занимаются и другие формы познания, в том числе и искусство.

Философия, психология, социология, этика имеют своим предметом человека, но рассматривают его с какой-либо одной точки зрения. Искусство берёт человека в его цельности, так же затрагивает все глубокие и ещё не изведанные пласты того удивительного феномена, которым является человек.

Философия, как наука, отражает мир в системе понятий, открывая объективные законы. Наука есть главный источник философских обобщений по проблеме типов личности. Искусство является тоже специфической формой познания и отображения мира, в особенности человека и общества в образных формах (художественных образах), что делает искусство уникальным и незаменимым источником философских знаний и обобщений, нередко опережая и уточняя научные открытия в области типологии личности.

Искусство начинается там, где целью ставится не познание и преобразование мира, не изложение системы норм, а сама художественная деятельность, обеспечивающая создание особого «вымышленного мира», художественного образа, в котором всё является эстетическим созданием человека. Этот мир имеет две особенности. Первая – этот мир не есть порождение чистого вымысла, не имеющего никакого отношения к действительному миру. У художника может быть богатая фантазия, но то, что он изображает в художественном произведении, являет собой своеобразную реальность. Вторая особенность – эта своеобразная реальность, есть лишь более или менее правдоподобное изображение жизни, а не сама жизнь. В любом произведении помимо его замысла есть нечто идущее из сферы бессознательного. Это нечто и делает произведение искусства многогранным, даёт ему неисчерпаемость толкований.

Художественный образ, как и аналитический метод, так же необходим для познания типов личности. Многие ученые: психологи, философы, историки, этнографы для подтверждения или иллюстрации своих идей, теорий использовали художественные образы. К. Юнг в своей работе «Бегство от свободы» для иллюстрации взаимоотношений «мазохиста» и «садиста» приводит в пример героев романа Бальзака «Утраченные иллюзии». Л.Н Гумилев для подтверждения своей теории пассионарности в качестве примеров обращается к творчеству и жизни Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского. Эти сопоставления аналитического и образного делают идеи ученых более полными, понятными, т.к. их воспринимают тоже люди.

Проблемой типов личности занимались представители разных научных направлений: философии, эт-

нографии, истории, психологии – это Л. Н. Гумилёв, К. Г. Юнг, Э. Фромм,

Б. Ф. Поршнев, Б. А. Диденко, Н. Б. Оконская и т.д.

Л. Н. Гумилёв в своей работе «Этногенез и биосфера Земли» выделил следующий тип личности – «*пассионария*». Для пассионариев характерно посвящение себя той или иной цели, преследуемой, иной раз, на протяжении всей своей жизни. «Пассионарность – не просто «дурные наклонности», а важный наследуемый признак... Пассионарность – это биологический признак, а первоначальный толчок, нарушающий инерцию покоя, – это появление поколения, включающего некоторое количество пассионарных особей» [1; с.277]. Пассионарность может быть ярко или слабо выражена. Ярко выраженная пассионарность – это когда человек – пассионарий идет ради своей идеи на костер или баррикады. Слабо выраженная пассионарность – это «подвиг науки или искусства», который требует не меньшей жертвенности, чем подвиг «прямого действия» [1].

По мнению Л.Н. Гумилева, сам пассионарный толчок «неземного происхождения». Американский астроном Джонн Эдди составил график солнечной активности за последние 5 тыс. лет. И оказалось, что все пассионарные толчки в истории человечества совпадают с периодами минимума солнечной активности либо с периодами ее спада. «При уменьшении солнечной активности защитные свойства ионосферы снижаются, и отдельные кванты или пучки излучения могут достигать земной поверхности. А жесткое излучение, как известно, вызывает мутации...» [1; с.290].

К. Г. Юнг в работе «Метафоры и символы либидо» выдвинул положение о том, что в психике человека, кроме индивидуального бессознательного, имеется более глубокий слой – коллективное бессознательное, запечатлевшееся в структурах мозга. Его содержанием являются общечеловеческие первообразы – *архетипы*: образ матери – земли, героя, мудреца, старца, демона и т.д. «Коллективное бессознательное как оставляемый опытом осадок и вместе с тем как некоторое его, опыта, априори есть образ мира, который сформировался уже в незапамятные времена. В этом образе с течением времени выкристаллизовались определенные черты, т.н. образы доминирующих законов и принципы общих закономерностей, которым подчиняется последовательность образов, все вновь и вновь переживаемых душой. Поскольку эти образы являются относительно верными отражениями психических событий, их архетипы, т.е. основные черты, выделенные в процессе накопления однородного опыта, соответствуют также определенным всеобщим физическим основным чертам» [2; с.75-76]. Динамика архетипов лежит в основе сновидений, мифов, символике художественного творчества и т.д. Юнг оказал большое влияние на изучение религий, мифологии и фольклора [2].

Э. Фромм в работе «Бегство от свободы» раскрывает механизм бегства, который состоит в тенденции отказаться от независимости своей личности. Формы этого механизма можно найти в стремлениях к подчинению или господству – это мазохистские и садистские тенденции. На основе этих тенденций Э. Фромм выделяет следующие типы личности: «мазохист» и «садист».

Мазохисту всегда присущи чувства собственной неполноценности, своей ничтожности. Анализ таких людей показывает, что эти чувства не просто осознание каких-то своих недостатков, а тенденция принижать себя, свои достоинства, отказываться от возможностей, открывающихся перед ними. Этим людям присуща зависимость от природы, от организаций, от других людей. Они стремятся не утверждать себя, а подчиняться действительным или воображаемым приказам [3].

Садистские наклонности Э.Фромм делит на три типа. Первый тип – это человек стремящийся поставить других людей в зависимость от себя и желающий приобрести полную власть над ними, «лепить, как глину». Второй тип – это человек, стремящийся не только к абсолютной власти над другими людьми, «но и эксплуатировать их, использовать и обкрадывать, так сказать, заглаживать все, что есть в них съедобного» [3; с.48]. Третий тип – это человек, стремящийся причинять другим людям страдания или видеть как они страдают. Цель такого стремления может быть как причинения страдания (унизить, запугать) или просто созерцание чьей-то униженности, запуганности. Эти типы прекрасно описаны Бальзаком в «Утраченных иллюзиях», отношения между молодым Люсьеном и беглым каторжником, выдающим себя за аббата, это отношение между собой «мазохиста» и «садиста» [3].

Б. А. Диденко разделяет человечество на виды, продолжая его идею Н.Б. Оконская в своих работах «Основы метаантропологии» и «Лицо истории – золотое сечение или цивилизация канибалов» делит человечество на биотипы.

Согласно теории биотипов, человечество представляет собой не единый тип, а семейство, состоящее из четырёх биотипов. Биотипы личности имеют различную морфологию коры головного мозга, а, следовательно, и разные реакции сигнальных систем (систем условно-рефлекторных связей) [4; с.91].

Первый тип личности – «агрессор» («канибал», «палеоантроп») – это биотип агрессора. Их агрессивность необязательно может выражаться в насилии (убийство, издевательство над себе подобными и т.п.). Эта потребность может быть сублимирована в удовлетворении своей «хищности» жестокой властью или просто притеснением членов своей семьи, трудового коллектива. Художественная литература прекрасно описывает и раскрывает внутренний мир таких людей. Например, это Кабаниха их драмы А. Н. Островского «Гроза». Хищная мудрость калиновского мира сквозит в духовной жестокости Кабанихи. Она уверена в своей безгреховности, она – «закон быта и обычая», который опростил, подмял под себя живую жизнь в её вольных порывах, стремлениях и желаниях, образом которой была Катерина. Такими хищниками пестрит современная книжная продукция от «Бандитского Петербурга» до «Бригады».

Второй биотип – это «суггесторы» – это тоже, в определённом смысле, тип – агрессор, но идущий другим путём. Это путь приспособленчества и обмана, который может выражаться в эксплуатации себе подобных, в воровстве, мошенничестве, карьеризме и т.п. Макиавеллизм – это философия их жизни. Это тип личности более распространён чем «агрессоры», но и не менее опасен. Он может характеризоваться такими литературными типажками, как Анатолий Куракин («Война и мир» Л.Н. Толстого). Анатолий – высо-

кий, стройный красавиц. Он всегда спокойно – самоуверен, всегда доволен собой и своими поступками. Всякое желание он привык удовлетворять немедленно, не считаясь ни с чем и ни с кем. Касается ли это похищения Нагаши Ростовской или его отношений с Пьером Безуховым.

К этим двум видам вообще не применимы основные человеческие качества: нравственность, совесть, сострадание. Существа этих типов личности приносят в окружающий мир бесчеловечность, жестокость и бессовестность. Поэтому, с моральной точки зрения, этих «агрессоров» трудно назвать гуманными людьми. Это просто весьма умные животные [5].

Третий тип личности – это «суггестивно зависимый» («диффузный») – его отличительная черта: внушаемость (подаваемость суггестии). Вот эта-то внушаемость, являясь фундаментом рассудочного поведения, даёт возможность провести корректную границу между человечеством и «антропоморфным зверством» [5; с.65]. «Суггестивно зависимые» люди способны и на хищное научение, таким образом, они смазывают общую картину биотипов человечества, так как загромождают собой истинных агрессоров и суггесторов. Но в отличие от последних, этому типу личности свойственно чувство раскаяния, понимание того, что они на «плохой стезе». Из всех четырех биотипов, этот тип самый многочисленный. Он составляет диффузное большинство любой нации. Примером может служить образ Нана из одноименного романа Э. Золя. Как бы настойчиво не повторялось, что Нана имела врожденную испорченность – родители, представители дна парижского общества, однако ее падение также обусловлено социальными причинами. Тяга к роскоши, праздной жизни, богатым поклонникам так велика, что героиня делает свой выбор: она предпочитает жизнь полусвета (содержанки). Только так она может ничему не учиться, ничего не делать, ни о чем ни думать.

И последний, четвёртый тип – «неоантропы». Это люди с хорошо развитой моральной системой. Народная мудрость гласит, что добрый человек не тот, кто умеет делать добро, а тот, кто не умеет делать зла. Они занимаются духовными исканиями, наукой, всегда находятся в состоянии интеллектуального отстранения от окружающей их «мировой грызни». Это философы, учёные или просто люди, занимающиеся Познанием Мира, законов ноосферы, и стремящиеся жить по этим законам [4]. В мировой литературе также хорошо представлен этот тип личности. Яркий пример – это Никола Брюньон, герой романа Ромена Роллана «Кола Брюньон». Кола, столяр из Кламси, живёт в бурную эпоху религиозных распрей, когда католики и гугеноты воюют между собой. Сам Кола уже не молод, он – «старый воробей, бургундских кровей, обширный духом и брюхом». Умудрённый житейским опытом Кола Брюньон «согласен со всеми вашими богами, и языческими, и христианскими, и богом – разумом, кроме того». Больше всего он ценит жизнь, а жизнь для него – работа, благодаря которой хорошеет вокруг Божий мир, плодоносит земля, растут дома и дети. Кола Брюньон – творец, и это определяет его жизненную позицию. «Пока художник чувствует силу в чреслах, он родит и не вспоминает о рождении». Вот такой жизнелюб и балагур Кола Брюньон.

Так на чём же основывается концепция биотипов? В своей работе «Цивилизация канибалов» Б. А. Диденко предполагает, что разумный человек наделён тремя сигнальными системами.

Первая сигнальная система – это система условно-рефлекторных связей, формирующихся в коре больших полушарий головного мозга человека и животных при воздействии конкретных раздражителей (свет, звук, боль и т.д.). Форма непосредственного отражения действительности в виде ощущений и восприятий. Это рефлекторная деятельность высших животных способных приобретать и передавать опыт, обучать.

Вторая сигнальная система – это свойственная человеку система условно-рефлекторных связей, формирующихся при воздействии речевых сигналов, т.е. не непосредственного раздражителя, а его словесного обозначения. Вторая сигнальная система – основа обобщенно – абстрактного мышления; возникает на базе первой сигнальной системы в процессе общения между людьми; обеспечивает человеку широкие возможности ориентации в окружающем мире. Это рассудок, речь, мышление, создание национальных и государственных культур, освоение природы. Вторая сигнальная система является управляющей для первой сигнальной системы, торможением её импульсов, эмоций.

Третья сигнальная система – в полной мере присуща только двум последним биотипам. Это совесть, сострадание, учёт интересов окружающих людей, непричисление зла людям и природе. Третья сигнальная система является управляющей по отношению ко второй сигнальной системе, и человек именно таким образом приобретает нравственность. Это и есть разум, и это его проявление.

Истинный разум предполагает оценку всех действий человека с нравственной точки зрения, не только познания «добра» и «зла», но и принятия стороны «добра». Отсюда можно сделать вывод: «агрессивные» биотипы, относящиеся к ним люди – не являются, в полном объёме, людьми с нравственной точки зрения.

«Таким образом, кардинальное различие человечества происходит не по расовым или национальным признакам, представляющим в видовом ракурсе второстепенными. Существует белые и чёрные палеантропы – сверхживотные, жёлтые и цветные суггесторы, американские и русские неоантропы, а также диффузное большинство всех стран и народов. Численное соотношение этих четырёх видов во всех сообществах различно, что и определяет степень (зачастую – лишь потенциальную) воинственности, хитрости (коварства), миролюбия и разумности нации, народа, племени, государства...» [5; с.47-48].

Воссоздавая в своих произведениях тот или иной биотип, взаимодействие их между собой, в первую очередь, казалось, писатель воссоздаёт действительность с позиции определённого эстетического и этического идеала, но в содержании художественного образа есть то, что делает его существенным образом, формулой распределения типов личности.

Таким образом, жизнь во всем её многообразии осваивается и перерабатывается творческой фантазией, воображением, талантом и мастерством художника. Художественный образ не повторяет, и не просто символизирует действительность, в нем аккумулируются функции, через которые образы обобщают сложные взаимоотношения связей между различными явлениями, предметами, пластами жизни. Таким образом, преобразовывая различные явления окружающей действительности, и воплощая их в художест-

венном произведении, художественный образ фиксирует суть отдельных людей и их групп.

Художественный образ – это всегда отражение жизни и это общеизвестно. Благодаря этому он становится определённым символом своей эпохи, времени. Ведь литературный (художественный) тип вбирает в себя черты господствующего, наиболее распространённого социального типа эпохи и становится знаковой фигурой. И таким образом, он представляет свою эпоху, о которой мы можем судить благодаря этому художественному образу.

Художественный образ не есть единичное явление, а это тип личности, формула общества, человек, образ – характер. Хотя существуют образы – события, образы – обстоятельства, образы – конфликты, образы – детали, выражающие определённые идеи и чувства, на сформированном художником уровне, образ может показать не только конкретного человека, но и целое общество, его определённый слой, нравственные устои, типажи.

Именно поэтому некоторые произведения называют «зеркалом», «книгой», так как они дают социально-философский анализ конкретного общества, что помогает в решении проблем человековедения. «Горе от ума» А. С. Грибоедова – «зеркало» нравов общества начала XIX века, отражением французского общества являются произведения Э. Золя.

Художественный образ, отражая характерные черты исторической действительности, вызывает в читателе представление о «конечном, полнोजизненном богатстве явления» [6]. Хотя это богатство восприятия и сосредоточено в читателе, но его целеустремлённо ведет за собой писатель.

Проблемы типологии личности можно рассмотреть в сфере не только писателя, но и читателя. Одна из главных особенностей художественного образа – это то, что он существует только в сознании, воображении читателя. И восприятие литературного типа героя зависит от типа личности читателя. Насколько он в состоянии воспринять художественный образ.

Признаки, сконцентрированные в художественном образе, мобилизуют личный опыт читателя. Из этого личного опыта волею писателя творится совсем другая, ранее неведомая жизнь литературного героя, другого социального строя, другой страны, другой культуры, даже иного мира.

Восприятие художественного образа влечёт за собой «расширение человеческого опыта» [6]. Это расширение охватывает сферу настоящего, прошлого и будущего, таким образом жизненный опыт читателя не только расширяется, но и обогащается, углубляется. Следовательно, жизненный опыт, сознание человека обусловлено усвоением им культурных ценностей, накопленных человечеством. А отсюда качество этого сознания, которое зависит от качества художественного образа созданного писателем, а это в свою очередь зависит от типа личности самого писателя и его нравственных устоев. Общеизвестно, что каждый писатель до известной степени изображает самого себя в своих произведениях, хочет того он или нет.

«Искусство имеет уникальные ресурсы влияния на общественное и индивидуальное сознание» [7; с.32]. Если писатель относится по своему биотипу к «агрессорам», например как Лимонов, который откровенно пропагандирует расистские идеи, или писатель – «суггестор», то их произведения будут безнравственными в той или иной форме, т.е. открыто или завуалировано. Произведения, созданные такими писателями, воздействуют на сознание и подсознание неокрепшей или ещё не сформированной личности (подростки, дети) или на человека «суггестивно зависимого» типа, даст отрицательное воздействие на его развитие, восприятие окружающей среды. Что приводит к плачевным результатам.

«Мало сказать, что литература гигантски расширяет жизненный опыт человека, позволяет ему прожить множество жизней в одну жизнь, побывать в разных эпохах, попробовать себя в тысячах героев, продумать поведение сотен и сотен людей. Волшебство художественного образа совершается удивительно быстро, просто сказочно быстро. И только поэтому оно может так щедро обогащать одну короткую человеческую жизнь» [6; с.34].

Надо хорошо взвесить и обдумать, какого качества происходит обогащение человеческой жизни. Какими героями? Какие типы личности становятся этими героями, которым стремятся подражать?

С другой стороны, может быть прекрасное литературное произведение, но читатель не воспринимает художественный образ. Ведь читатель бывает разным: «хорошим» и «плохим», «читатель – друг» и «читатель – враг». Конечно, восприятие любого художественного произведения не однозначно.

Есть много причин, почему не воспринимается произведение.

Одна из причин – это малая образованность читателя. То есть читатель не подготовлен к восприятию, у него не хватает определённого жизненного опыта, на который он мог бы опереться при чтении.

Другой вид непонимания художественного образа – это нежелание понять позицию героя, нежелание разобраться в этической позиции этого персонажа. «Один не понимает по низкому культурному развитию, необразованности, неподготовленности, другой – от подавленности классовой спесью... Третий просто врёт, что не понимает» [6; с.9].

И эта проблема непонимания возвращает нас к проблеме биотипов. Как «агрессивные» типы личности смогут воспринять «Маленького принца» Экзюпери? А как «неагрессивные» типы личности смогут воспринять Пиранью, Слепого и других героев подобных книг, которые пестрят подробно описанными сценами насилия?

Какую литературу сейчас рекламируют, какой художественный образ, какой тип личности сейчас культивируют в нашем обществе, таково и будет, в определенной степени, поколение, которое в свою очередь передаст свой жизненный опыт, накопленный, в том числе, и на основе искусства, художественного образа доминирующего в современном массовом искусстве. Такова будет история, таково будет наше будущее.

Сможет ли, наконец, человечество отойти от агрессивной «цивилизации канибалов» в сторону построения ноосферы? [4]. Одним из шажков в сторону спасения – это прекращение насаждения и культиви-

рование «агрессивных» типов личности через художественный образ посредством литературы и не только её.

Обогащение и возвышение человеческого сознания и эмоциональной сферы человека – одна из сторон создания неагрессивного общества. И прямое отношение ко всему этому имеет работа художественного образа в сознании людей, а значит и историческом процессе.

«Искусство – универсальный язык жизненно-важного сотворчества человека, общества, культуры и природы, «летописец» и «оберег» психофизического и духовного здоровья человека, и потому – важный фактор укрепления оси устойчивости коэволюции» [7; с.37].

Источники и литература

1. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – М.: ДИ – ДИК, 1994. – 638с.
2. Юнг К.Г. Психологические типы / Под ред. В. Зеленского / К.Г. Юнг. – М.: Университетская книга: АСТ, 1998. – 716с.
3. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – Минск: Попурри, 1998. – 671с.
4. Оконская Н.Б. Лицо истории – золотое сечение или цивилизация каннибалов /
5. Н.Б. Оконская. – Севастополь: Изд-во СевНТУ, 2003. – 232с.
6. Диденко Б.А. Цивилизация каннибалов / Б.А. Диденко. – М.: Китеж, 1996. – 160с.
7. Нечкина М.В. Функция художественного образа в историческом процессе. / М.В. Нечкина. – М.: Наука, 1982. – 318с.
8. Денисова О.В. Антология жизни в искусстве и модель устойчивого развития (философские аспекты социокультурной политики) // Вестн. Сев. ГТУ. – Севастополь, 2003. – Вып.46. – с.31-37.

Черниенко В.А.

ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИИ ЗНАНИЯ

Проблема концептуальных изменений – одна из ключевых в философии наших дней. Сегодня вопрос о смене типов рациональности – это уже не чисто теоретический, но в большей степени жизненно-практический вопрос, порожденный кризисами нашей технократической цивилизации. В этой ситуации абсолютная ценность научной методологии многими ставится под сомнение. Крепнет убеждение в том, что рациональность не сводится к науке. Растет популярность концепции методологического плюрализма.

Вплоть до XVIII века разум рассматривался как нечто аисторическое, как универсальная и неизменная сущность человека. Рационалисты Нового времени и трансценденталисты Просвещения считали, что разум мыслит бытие, опираясь на врожденные (Р.Декарт), априорные (И.Кант) универсальные и неизменные принципы рациональности, и этим гарантировались всеобщность и необходимость как признаки достоверного знания. Поэтому, как тогда полагали, рациональные высказывания сохраняют свои значения в любой эпохе и культуре.

В XIX веке универсальность и неизменность принципов разума была поставлена под сомнение немецким диалектическим идеализмом (Г.Гегель) и французским позитивизмом (О.Конт). Предложение – рассматривать субъект познания исторически – обусловило появление понятия "относительно истинного", истинного для своего времени. Истина стала исторической. Авторитетам того времени (например, Гегелю) было свойственно представлять историю субъектом познания и провозглашать свою собственную деятельность абсолютным, окончательным знанием, следовательно, завершением истории познания.

На рубеже XIX-XX веков происходит отказ от возможности достижения абсолютного знания и признание исторической относительности форм жизни человека. Морфология культур становится предметом познания (М.Вебер, О.Шпенглер). Рациональность понимается как исторически приходящий познавательный дух конкретной культуры, а смена культур коррелирует с концептуальными изменениями (Р.Дж.Коллингвуд). Этим признавался плюрализм исторически сменяющих друг друга форм рациональности. И лишь во второй половине XX века рациональность как исторический фактор становится предметом эпистемологии (Ст.Тулмин, П.Фейерабенд, М.Фуко).

Однако длительный поиск источника рационального авторитета (вопрос об индивидуальности или надындивидуальности истинного мышления) не закончен и сегодня: теоретические разногласия решаются, в основном, равновесием сил, а не равновесием принципов; спорящие стороны отказываются прислушаться к доводам своих оппонентов, пытаются силой, а не принципами аргументировать свою позицию. Нерешенность проблемы делает наше исследование *актуальным*, а выявление существенного фактора модификации форм рациональности – *целью* статьи.

Известно, что ничто не истинно без своего определяющего основания, ибо все истины либо непосредственно, либо косвенно вытекают из своих оснований. Основание, исходное положение, принцип – это то, через что можно понять, почему нечто существует. Основания – это различные точки зрения, с которых можно рассматривать вещи. Выбор оснований чего-либо находится в соотношении с логическим принципом достаточного основания и обоснования как процессом оценки различных логических форм знания.

Основания основаниям рознь. Спор, как правило, идет о последующе-определяющих основаниях, которыми мы довольствуемся, когда речь заходит о достоверности. Однако, как полагал Кант, последующе-определяющее основание не порождает истины, а только разъясняет ее. При этом всегда имеются предшествующе-определяющие (генетические) основания, но мы о них спорим только в экстраординарных случаях.

Такое состояние дел обусловлено тем, что, зачастую, мы делаем выбор не задумываясь. Акт выбора не замечается, т.к. он предопределен социокультурными стереотипами. Роль методологии, в этом случае, вы-